

1

Настоящее

Движение воздуха у носа я ощущаю за долю секунды до того, как что-то — плотная клейкая лента — залепляет мне рот, заглушая едва не вырвавшийся крик. Распахиваю глаза. Над кроватью склонилась темная фигура.

Выброс адреналина. *Шевелись! Хватай нож!* Тянусь к подушке, но в запястье впивается чья-то рука, не давая двинуться с места. Меня сдергивают с постели, я пинаюсь, однако ноги бессмысленно молотят пустоту. Стараюсь сосредоточиться, но голова идет кругом. Почему я уснула? Я же того и ждала.

Руки заведены за спину, запястья связаны. Пытаюсь вывернуться, но мне что-то натягивают на голову: ткань, грубая и плотная, — какой-то капюшон. Паника охватывает меня как лесной пожар. *Нет. Спокойно, Амели. Ты знаешь, в чем дело.*

Он выталкивает меня из комнаты, я путаюсь в ногах и спотыкаюсь; меня рывком поднимают. В голове, накрытой капюшоном, бешено отдается стук сердца. Подавляю страх. Я его обхитрю. Я это уже делала.

Мягкий ковер под ногами сменяется холодным полированным полом лестничной клетки. Запинаюсь о край дорожки и сразу вспоминаю ее замысловатый красно-зеленый узор из зверюшек и листьев. Вдыхаю химический запах клейкой ленты, и удушливый кашель обжигает мне горло. Втягиваю воздух носом, ткань капюшона прилипает к ноздрям. *Куда меня ведут?*

Хватка на плече становится крепче, меня притормаживают. Ощущения подсказывают, что мы у лестницы, и я медлю, боясь упасть. Меня подталкивают вперед, я нащупываю первую ступеньку и шагаю вниз, пока подошвы босых ног не касаются холодного квадрата плитки. Мы идем по коридору, сворачиваем налево, и в жуткой тишине мое прерывистое дыхание становится громче. Я знаю, куда мы направляемся. Он ведет меня в подвал, туда, где гараж.

Поворачиваюсь, выкручиваясь всем телом, и на какой-то бесценный миг хватка слабеет. Но потом меня возвращают на место, руки обжигает боль. Поворот направо, снова ступени вниз, потом узкое пространство, воздух меняется, становится прохладнее.

А следом вдруг поток звуков — капюшон их заглушает, но они все равно узнаваемы — шаркающие шаги, сдавленный вой, ощущение, что там есть кто-то еще. Отпрянув, я замираю. Эти шаги и вой — не мои. Разум просто взрывается. *Не может быть, это невозможно.*

Но я узнаю этот глухо протестующий голос — Нед. Я ждала совсем другого.

2

Настоящее

Взгляд под капюшоном мечется, ища выход из кошмара. Думай, Амели, думай. Но ум парализован. *Что это? Кто они?*

С металлическим лязгом открывается багажник. Снова возня, слабые протесты Неда становятся громче. Мычание и стук — его сунули в багажник? Все мое тело напрягается; мне нельзя туда, где Нед. Но меня вдруг, без всякого предупреждения, заталкивают в салон, между сиденьями, лицом вниз. Тонкая ткань пижамных штанов натягивается на коленях. Стараюсь подняться, но тяжелые ботинки давят на спину.

Пытаюсь запоминать, куда мы едем. Но тут же сбиваюсь. Начинаю сосредоточенно вдыхать воздух маленькими порциями. Я дышу слишком быстро, желудок бунтует. Закрывая глаза, представляю, что я снаружи, в ночной прохладе, смотрю в небо, на звезды, в бесконечную высь. Постепенно дыхание успокаивается.

Спустя, как мне кажется, несколько часов, машина замедляет ход, дорога становится неровной. Мои мысли блуждают. Я стараюсь собраться, знаю: чтобы выжить,

важна каждая секунда. Машину качает, я представляю грунтовую дорогу под колесами и лес вокруг. Странно, что я почти не боюсь. Но мне не страшна смерть, уже не страшна. После всего, что случилось.

Слышатся резкие удары, Нед кричит от боли. Наверное, он в ужасе — но разве он не предполагал, что произойдет? Хантера, его телохранителя, жестоко убили три дня назад. Хантера заменил Карл — темная лошадка. Где был Карл, когда нас похищали? Чтобы попытка удалась, должно было произойти серьезное нарушение мер безопасности. *Итак, главный подозреваемый — Карл.*

Машина останавливается. Открываются двери, с моей спины убирают ноги. Меня выволакивают из салона, заставляют встать. Прохлада августовской ночи охватывает меня, по рукам бегут мурашки. Пахнет землей, листвой, древесным соком.

Слышу, как Неда вытаскивают из багажника. Нас толкают вперед, Нед идет первым, я слышу его бормотание. Твердая земля, камни впиваются в мои босые ступни, как галька на пляже. Я жду мягких зарослей папоротника, хруста веток под ногами. Но гравий сменяется гладкими плитами, какой-то тропинкой. Значит, нас не казнят. И мы не в лесу.

Останавливаемся. Слышу, как скрипит, открываясь, дверь, дерево скребет по земле. Дверь какой-то постройки — во дворе, кажется. Меня обдает потоком холодного воздуха, и я дрожу. Это не сарай — это подвал или подземелье, чьи толстые стены не согреты теплом солнца.

Я дрожу, меня плотно обступили со всех сторон. Где-то впереди открывается дверь, снова борьба, бешено сопротивляется Нед, мне оттаптывают ногу, пока пытаются с ним совладать. Затаив дыхание, жду. Хлопает

дверь, слышатся удары: Нед всем телом бросается на нее, яростно мыча в кляп. *Молчи! Это не поможет.*

Мы идем дальше, поднимаемся по каменным ступеням, я считаю их: всего двенадцать. Изношенный камень под ногами наверху сменяется теплым деревом, не таким твердым на ощупь. Открывается дверь, и я шагаю вперед.

Сзади какое-то движение, я жду удара, но вместо этого с моей головы срывают капюшон. Волосы потрескивают от статического электричества, глубоко вдыхаю носом, затем часто моргаю, чтобы глаза привыкли к темноте. Но ничего не вижу. Ни проблеска огонька, ни более светлых оттенков мрака.

Внезапно меня дергают за руку, сильные пальцы сжимают запястье. В горле зарождается тревожный крик. Только не это! Я брыкаюсь, ступня попадает в плоть и мускулы, но кто бы ни был у меня за спиной, он сильнее. Затем раздаются пилящие звуки, резкое царапание ножа эхом разносится по комнате, и вдруг громкий щелчок. Запястья больше ничто не сдавливают, и я по инерции ныряю вперед. Но не успеваю повернуться, как дверь хлопает. Лязгает замок.

И тут я осознаю: с той минуты, как этот человек вошел в мою спальню, наши похитители не произнесли ни слова.

Прошлое

— Когда приезжает твоя тетя? — поинтересовался доктор, отворачиваясь от папиной постели.

— Сегодня, но позже. Она едет из Парижа.

— Хорошо. — Ему будто бы полегчало.

Папа в кровати выглядит таким маленьким: тонкая как бумага кожа желтоватого оттенка, руки худые будто палочки. Рак распространился пугающе быстро. Диагноз поставили полгода назад, и вплоть до прошлой недели отец ходил, ел, пил. Теперь он не в состоянии обслуживать себя. Мне приходилось кормить и мыть его. словно у меня появился ребенок.

— Что ты будешь делать? — спросил доктор. — После?

Я поняла, что это значит «когда папа умрет», и к глазам подступили слезы.

— Буду жить в Париже, с тетей, — сказала я, сглотнув их.

Я не любила врать, но боялась — если доктор узнает, что, кроме меня, за папой некому ухаживать, он отправит его в хоспис. А папа не хотел в хоспис, он хотел остаться

дома. И никакой тети у меня не было, никого не было. Мне всего шестнадцать, и вскоре я останусь одна во всем мире.

После папиной смерти я хотела по-прежнему жить здесь. Я вполне способна сама о себе позаботиться — я много лет покупала продукты, готовила и убирала. Пришлось все взять на себя: из-за пьянства папа был не в состоянии этим заниматься. Но дом мы снимали, и, раз у нас не было родственников, которые могли бы меня забрать, меня бы передали под опеку. А я этого очень боялась.

Сначала я хотела спросить у мамы моей подруги Шэннон, нельзя ли пожить с ними — до следующего года, пока мы не окончим школу. Уверена, мне бы не отказали. Но летом они должны были переехать в Ирландию — мама Шэннон оттуда родом.

Они не знали, что я сама ухаживаю за папой. А когда спросили, я снова упомянула французскую тетушку — не хотела, чтобы обо мне тревожились.

— Кажется, ты говорила, у тебя нет родственников... — сказала Шэннон.

— Похоже, они с папой давно рассорились, — объяснила я. — Но когда он заболел, то позвонил ей и все рассказал. — Я помолчала. — Буду жить с ней в Париже.

Шэннон меня обняла.

— Она хорошая, твоя тетя?

— Чудесная.

В школу я не ходила уже две недели. Но это было неважно, все равно занятия почти закончились. Учителя знали о папиной болезни, а когда задавали вопросы, я говорила им то же, что и Шэннон: буду жить с тетей в Париже и в следующем году не вернусь.

Но я не собиралась в Париж, я хотела уехать в Лондон. Устроюсь там работать официанткой и стану откладывать на колледж.

Настоящее

Подняв к лицу дрожащие руки, я начинаю ногтями отцеплять скотч, который все еще заклеивает мне рот, а потом замираю. В комнате есть кто-то еще, слышно его хриплое дыхание.

Раздувая ноздри, прижимаю руки к лицу. Страх такой обжигающий, что хочется кричать. Застываю не дыша, но не слышу ни звука, и тогда понимаю: я слышала свое дыхание. Больше никого нет, я одна.

Дышать нормально не получается, и, отчаявшись, я болезненным рывком сдираю пластырь; кожу вокруг губ жжет, я начинаю жадно хватать ртом воздух. От вкуса клея вот-вот вырвет. Делаю глубокий вдох, успокаивая себя. Мне нужно подумать.

Разворачиваюсь в темноте и с вытянутыми руками шагаю туда, где, как мне кажется, находится дверь. Ударяюсь пальцами о стену и останавливаюсь. Она холодная, покрыта краской, а не обоями. Медленно вожу ладонями, различая кожей малейшую выпуклость и неровность, пока не нащупываю косяк двери и грубую поверхность створки. Веду руками вниз, нахожу

ручку — круглую и гладкую. Обхватываю пальцами, поворачиваю. Не поддается.

Ощупываю стену рядом с дверью в поисках выключателя. Но не могу его найти.

Колочу в створку.

— Эй! — зову я.

Никто не приходит.

— Э-эй! — Теперь я уже кричу.

Нет ответа.

Упав на колени, очерчиваю пальцами контур замочной скважины и прижимаюсь к ней глазом. За ней только мрак. Становится еще страшнее.

— Выпустите меня! Пожалуйста!

Хватит. Держи себя в руках. Не дай страху победить.

Вспоминаю Неда. Его голос вчера вечером и то, что он сказал. Та комната внизу, в подвале, где держат Неда, она прямо подо мной? Слышит ли он мои панические крики? Из глубин души поднимаются слезы. Упираюсь лбом в деревянную дверь, снова прижимаю ладони к поверхности. Чувствую кожей заклепки и думаю о Кэролайн. О ее квартире в Лондоне с дверями, обитыми деревом. О доме, который благодаря ей у меня появился. Делаю еще один глубокий вдох. Нельзя сдаваться, я обязана все исправить.

— Шевелись, Амели, — шепчу я, — найди выключатель. Должен быть хоть один.

Поворачиваюсь к стене и ковыляю вдоль нее боком, шаря по ней ладонями от верха, высоко, как только могу достать, и потом вниз, к полу. Однако дойдя до угла, так ничего и не нахожу.

Двигаюсь вдоль следующей стены, и уже через несколько шагов мои пальцы где-то у пола находят розетку. Выпрямляюсь, кладу руки на стену, собираясь

продолжить, и тут левая ладонь натывается на что-то выступающее. Ощупываю: это деревянная доска, за ней окно, я чувствую раму. Царапаю ее края, пытаюсь оторвать, но нахожу маленькие железные шляпки гвоздей. Они глубоко в дереве, слишком глубоко, не подцепить. Но сам факт, что окно есть, дарит надежду.

Двигаюсь мимо заколоченного окна и вдруг руки что-то находят — какой-то твердый объект. Изучив его, понимаю: это матрас, приткнувшийся в углу. Осторожно нюхаю: пахнет новым. На миг прислоняюсь к нему головой, адреналин растворяется. Но отдыхать некогда, нужно искать выключатель.

На стене за матрасом ничего, потому я его обхожу и иду вдоль следующей стены. Через четыре шага удастся обнаружить дверь. На секунду кажется, что во тьме я сбилась и просто вернулась туда, откуда пришла. Но нет — это явно другая дверь.

— Есть кто? — зову я.

В ответ только тишина.

Нащупав ручку, поворачиваю ее. И вдруг без всякого сопротивления створка поддается.

Сердце замирает в груди, и я отскакиваю назад. Ни звука, ни движения. Пробираюсь внутрь, вытянув обе руки, и почти сразу же во что-то врезаюсь коленом. Лечу вперед, ударяясь руками о стену, и с криком падаю на пол. Обо что я споткнулась? Поворачиваюсь и касаюсь холодной эмали: унитаза.

Поднимаюсь с пола, разворачиваюсь, нахожу выход и ищу выключатель. Похоже, его нет: он должен быть на внешней стене. Осторожно возвращаюсь в комнату, закрываю дверь, обыскиваю стену. Ничего. При мысли о том, что придется остаться в замкнутом пространстве без света, меня охватывает дрожь. Если я захочу

воспользоваться туалетом, придется оставить дверь открытой.

Все мое тело дрожит, а зубы стучат, я прохожу мимо двери в ванную и снова иду вдоль стены. Дойдя до угла, поворачиваю налево: в моем сознании следующая стена идет параллельно той, что с заколоченным окном. Выключателя по-прежнему нет, только розетка у пола. Снова поворот налево, и я у главной двери.

Останавливаюсь на миг, чтобы подумать: в этой стене — главная дверь, в следующей — заколоченное окно. Третья стена, параллельная этой, — туалет. Четвертая пустая. Есть две розетки, но нет выключателя. Значит, будут держать в темноте.

Меня снова охватывает страх. Задышавшись, опускаюсь на колени, закрываю глаза и напоминаю себе обо всем, через что прошла. И через это тоже смогу.

Поднявшись на ноги, становлюсь спиной к двери, осторожно, с вытянутыми руками, иду вдоль половиц по прямой линии и считаю шаги. Семь небольших шагов — и я касаюсь чего-то деревянного. Еще три — и я у цели. Опустив руку, нащупываю ручку. Все как я и думала: дверь туалета прямо напротив входа. Довольная открытием, опускаюсь на колени и принимаюсь ползать взад-вперед, проверяя нет ли там чего-нибудь еще. Кроме матраса — ничего.

Я вымоталась. Подползаю к матрасу, опускаю его на пол и сажусь. Спустя секунду смотрю в направлении двери — ее не видно, но я знаю, где она. Думаю о матрасе, о том, как он лежит, а потом — о двери. Когда я стояла к ней лицом, ручка была слева, а значит — извне — створка тоже открывается налево. Впервые что-то обретает смысл: матрас разместили справа, и когда дверь откроется, я буду прямо у них перед глазами, как поджидающая в капкане добыча.